

М. Н. Комаров

Экскурсы в сказочный мир

ЭКСКУРСЫ

ВЪ

СКАЗОЧНЫЙ МІРЪ.

Этюды въ области мифовъ и народныхъ преданій

М. Н. Комарова.

МОСКВА.

Тип. Е. К. Гербець и К°, Петровка, д. Рудакова.

1886.

512

GR 71
. K 78

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

Дозволено цензурою. Москва, 3 Января, 1886 г.

Предлагая суду читателя свои разсужденія объ интересовавшихъ меня вопросахъ въ области народной поэзіи, я слишкомъ далекъ отъ притязаній выдавать эти разсужденія за всестороннюю научную разработку упомянутыхъ вопросовъ. Своимъ соображеніямъ я не придаю значенія непреложныхъ истинъ, и тѣмъ болѣе, что въ сферѣ мифологіи и эпоса отдѣльныя детали еще не настолько разработаны, чтобы строить широкіе общіе выводы. Матеріалъ собранъ громадный, но разработка его еще далека до конца. Я хотѣлъ бы не столько рѣшать, сколько возбуждать вопросы, и это желаніе не покидало меня и тогда, когда я представлялъ свои посильныя рѣшенія.

Второй изъ предлагаемыхъ здѣсь очерковъ былъ напечатанъ въ Филологическихъ Запискахъ. Здѣсь онъ является съ дополненіями тѣми, найденными мною въ литературѣ, указаніями и фактами, которые подтверждаютъ предполагаемое мною эпическое представленіе о значеніи крови.

Если моя книжка хотя немного будетъ способствовать пробужденію въ читатель интереса къ памятникамъ народнаго творчества и къ древнѣйшей порѣ жизни человѣчества, то я буду вполне удовлетворенъ. Насколько я достигъ этого, судить не мнѣ.

Авторъ.

*Москва. 12 Декабря,
1885 года.*

ОДНОГЛАЗЫЙ ВЕЛИКАНЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Между эпическими преданіями о разныхъ дивахъ, созданныхъ народною фантазіею, обращаютъ на себя вниманіе своею цѣльностью и признаками глубокой древности сказанія объ одноглазыхъ великанахъ-людодахъ, слывшихъ у древнихъ грековъ подъ именемъ циклоповъ. Кому не извѣстенъ занесенный въ IX-ю пѣснь гомеровской Одиссеи превосходный рассказъ о томъ, какъ хитроумный Одиссей попадаетъ въ пещеру циклопа Полифема и ослѣпляетъ его; но рассказъ этотъ вовсе не есть исключительное достояніе греческой поэзіи, а въ чрезвычайно разнообразныхъ вариантахъ широко распространенъ по лицу земли. Преданіе, лежащее въ его основѣ, сдѣлалось достояніемъ народной поэзіи племенъ, стоящихъ на очень различныхъ ступеняхъ духовнаго развитія, проникло къ монголамъ и семитамъ, и каждый народъ варьировалъ его по своему, сообразно мѣстнымъ и бытовымъ условіямъ своей жизни. Совокупность этихъ вариантовъ составляетъ отдѣльный, самостоятельный, отмѣченный чертами глубокой древности кругъ сказаній о чудовищныхъ одноглазыхъ людодахъ. Нигдѣ, однако, преданія объ этихъ великанахъ не достигли такого развитія и разнообра-

зія, какъ въ древнегреческой поэзіи. Циклопъ древнихъ грековъ является то олицетвореніемъ пламенныхъ молній и грохочущихъ громовъ, то грубымъ исполнителемъ-людоѣдомъ, живущимъ внѣ всякаго гражданского порядка, то влюбленнымъ ревнивцемъ, убивающимъ своего счастливаго соперника, то наконецъ художникомъ-архитекторомъ, создающимъ огромныя твердыни. Поэтому греческіе мифы и сказанія даютъ цѣнный матеріалъ для уясненія и первобытной природы, и послѣдующей судьбы типа одноглазыхъ великановъ.

Подробный разборъ всѣхъ сказаній, относящихся къ этому типу, возбуждаетъ цѣлую массу вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ могло бы быть предметомъ обширнаго трактата. Въ предлагаемомъ очеркѣ мы не задаемся столь широкою цѣлью и не имѣемъ въ виду ни раскрытія основы сказаній, ни различныхъ въ нихъ наслоеній, ни даже ближайшихъ отношеній этихъ сказаній другъ къ другу. Мы намѣрены, во 1-хъ, только свести всѣ сказанія, собрать матеріалъ, такъ какъ такого собранія, сопоставленія сказаза о Полифемѣ съ родственными сказаніями въ русской литературѣ не сдѣлано, и существующія въ иностранныхъ литературахъ сопоставленія могутъ быть дополнены; во 2-хъ, объединить то, что было высказано учеными о первоначальномъ значеніи циклоповъ, такъ какъ хотя трудами мифологовъ натуралистическая сущность представленія о циклопахъ уже окончательно выяснена, однако основное значеніе циклопа различными мифологами понимается различно и, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ правильно. Не считая возможнымъ разрѣшать всѣ подробности сказаній объ одноглазыхъ людоѣдахъ въ, такъ

называемый, солярный мифъ, мы всетаки не можемъ вполне отвергать солярное значеніе циклопа, утверждаемое совокупностію мифологическихъ и эпическихъ данныхъ. Разработка вопроса можетъ состоять только въ опредѣленіи объема этого значенія, т. е. въ выясненіи отношеній циклопа къ Зевсу и къ прозовому мифу. Одними вариантами гомеровскаго сказа еще не доставляется всего матеріала для выясненія мифологическаго значенія циклопа. Не меньшую цѣнность, чѣмъ они, имѣетъ и сказаніе въ Теогоніи Гезіода, особенно важное для опредѣленія связи циклопа съ грозовымъ мифомъ. Отсюда является необходимость оставаться поподробнѣе на анализѣ этого сказанія.

I.

Вариантовъ гомеровскаго сказа въ настоящее время извѣстно много. Уже въ средніе вѣка они были изусту народа заносимы въ различные сборники. Одинъ изъ родственныхъ сказовъ былъ занесенъ въ сборникъ конца XII или начала XIII вѣка, извѣстный подъ названіемъ „Исторія семи мудрецовъ“ (*Historia septem sapientum*). Довольно близкая къ греческой арабская сказка стала извѣстна изъ знаменитаго сборника „Тысячи и одной ночи“. Лангле (*Langlès*) издалъ въ 1814 г. эту сказку въ подлинникѣ съ буквальныймъ переводомъ (*Les voyages de Sindbâd le marin*. 1814.). Въ слѣдующемъ 1815 г. Діез издалъ сказку огуцовъ, одного изъ турецко-татарскихъ племенъ, сохранившуюся въ сборникѣ различныхъ преданій изъ исторіи этого племени

(Diez. Der neuentdeckte oghuzische cyklop verglichen mit dem homerischen. 1815.). Происхождение этого сборника относятъ къ XIII или XIV столѣтію. Когда стали повсюду собирать произведенія народнаго творчества, когда усилія изслѣдователей направились на приведеніе въ извѣстность народной литературы, то оказалось, что преданіе объ ослѣпленіи одноглазаго великана-людѣда еще живо сохраняется у многихъ европейскихъ народовъ. Въ 1857 г. В. Гриммъ собралъ всѣ ставшіе до того времени извѣстными варианты гомеровскаго сказа и сличилъ ихъ (W. Grimm. Die Sage von Polyphem в Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin за 1858 г.). Со времени труда В. Гримма было открыто еще нѣсколько родственныхъ сказаній у разныхъ народовъ.

Разнообразные варианты гомеровскаго сказа сохраняютъ болѣе или менѣе полно основу фабулы, но объемъ и характеръ каждаго изъ нихъ, какъ формы, въ которую выливалось древнее преданіе, опредѣлялись историческими, мѣстными и бытовыми условіями жизни того народа, среди котораго сказаніе распространялось. Прослѣдить исторически распространеніе этихъ сказаній, генетическую связь между ними въ настоящее время крайне трудно, почти невозможно, хотя такого рода изслѣдованіе было бы очень важно. Всякая же попытка систематизаціи вариантовъ, построенная не на генетической ихъ связи, будетъ безусловною. Можно только сказать въ общихъ выраженіяхъ, что одни изъ вариантовъ вообще сохраняютъ основное преданіе болѣе или менѣе въ чистотѣ и ясности, сохраняютъ типическія черты великана, другіе болѣе или менѣе за-

темняютъ преданіе различными наслоеніями и измѣняютъ первобытное представленіе о циклопѣ; но строго рѣзкую границу между тѣми и другими сказаніями провести нельзя. Сказанія перваго рода представляютъ великана одноглазымъ людоедомъ и, за нѣкоторыми исключеніями, довольно близки другъ къ другу по содержанию. Одни изъ нихъ весь интересъ рассказа сосредоточиваютъ на томъ, какъ сказочный герой посредствомъ раскаленнаго орудія ослѣпляетъ одноглазаго великана-людоеда; другіе идутъ дальше и дальнѣйшее развитіе подробностей сосредоточиваютъ на обстоятельствахъ спасенія героя отъ преслѣдованій ослѣпленнаго гиганта; наконецъ, третьи идутъ еще дальше и освобожденіемъ героя еще не заканчиваютъ борьбы его съ чудовищемъ. Борьба эта теперь продолжается не въ пользу героя-ослѣпителя, который въ результатѣ остается также увѣчнымъ: онъ лишается пальца или руки. Здѣсь какъ бы выступаетъ идея возмездія, хотя вовсе нельзя сказать, что она сознательно проведена по рассказу. Сказанія втораго рода, хотя и сосредоточиваются на тѣхъ же моментахъ дѣйствія, однако уже отклоняются отъ общей основы преданія, и отклоненіе это простирается на самое существо великана, выражается въ забвеніи его типическихъ чертъ. Эти рассказы повѣствуютъ уже не объ одноглазомъ чудовищѣ, а о великанѣ, имѣющемъ обыкновенные человѣческіе глаза, и такимъ отклоненіемъ вызываютъ рядъ другихъ послѣдовательныхъ измѣненій. На этихъ рассказахъ можно видѣть, какъ преданіе въ своихъ разнообразныхъ измѣненіяхъ пришло къ уtratѣ не только всего чудеснаго, но даже и своего поэтическаго колорита.

Довольно близкимъ къ греческому является арабскій вариантъ, сохраненный въ сказкахъ „Тысячи и одной ночи“ (ночь LXXIX и LXXX). Впрочемъ Лангле считалъ арабскую версію заимствованною изъ древнеперсидскихъ источниковъ. Рассказываемое въ ней включеніе составляетъ отдѣльный эпизодъ въ ряду бѣдствій, испытанныхъ героемъ во время его путешествій.

Морякъ Синдбадъ и его спутники, гонимые на кораблѣ бурей, пристають къ одному острову, гдѣ лишаются корабля и поневолѣ остаются на берегу. ¹⁾ Подвигаясь внутрь этого острова, они увидѣли красный дворецъ, съ воротами изъ чернаго дерева, въ который и зашли. Хотя этотъ высокій дворецъ былъ совершенно пустъ, однако взору путниковъ представились ужасные слѣды чьего-то въ немъ пребыванія: въ одномъ мѣстѣ они увидѣли кучу человѣческихъ остововъ, а въ другомъ множество вертеловъ для жаркого. Вечеромъ явился чудовищный великанъ, ростомъ съ большую пальму, имѣвшій во лбу одинъ красный, подобный раскаленному углю глазъ; его зубы выходили изъ рта, и нижняя губа отвисла до груди; его уши походили на слоновьи и покрывали плечи; длинные, кривые ногти напоминали когти большихъ птицъ. Схвативъ Синдбада за затылокъ, великанъ поворачивалъ его во всѣ стороны и осматривалъ, но увидя, что онъ очень худъ, бросилъ его и такимъ же образомъ осмотрѣлъ всѣхъ путниковъ. Наконецъ, выбравъ самаго тол-

¹⁾ Какіе-то злобные карлики сводятъ ихъ на землю и сами уползаютъ на ихъ кораблѣ. Кажется, что это слѣды какого-то другаго сказанія, послужившіе для мотивированія пребыванія моряковъ на островѣ великановъ.

стаго изъ моряковъ, великанъ вдругъ воткнулъ въ него вертель, сжарилъ его и съѣлъ, послѣ чего легъ и заснулъ. Утромъ онъ ушелъ изъ дворца и возвратился въ него снова вечеромъ. На вторую ночь повторилось тоже: великанъ, съѣвши еще одного изъ моряковъ, выспался и утромъ опять ушелъ. Тогда Синдбадь задумалъ освободиться отъ этого чудовища. Моряки построили нѣсколько маленькихъ плотовъ, на которыхъ можно было бы отплыть отъ острова. Когда великанъ на третью ночь, поужинавъ еще однимъ человѣкомъ, заснулъ, тогда Синдбадь и храбрѣйшіе изъ его спутниковъ взяли каждый по вертелу и, раскаливъ концы ихъ до красна, разомъ воткнули ему въ глаза. Страшно заревѣлъ великанъ и тщетно старался ощупью отыскать виновниковъ своего ослѣпленія; отворивъ ворота, онъ вышелъ съ ужаснымъ ревомъ, разносившимся по всему острову. Несчастные моряки спустили построенные плоты на воду, но не рѣшались подвергнуться опасному плаванію въ морѣ на такихъ утлыхъ плотяхъ, подымавшихъ только по три человѣка. Они думали, что если великанъ не появится на берегу, и ревъ его прекратится, то это будетъ знакомъ, что онъ умеръ; въ такомъ случаѣ они хотѣли остаться на островѣ. Но на разсвѣтѣ они увидѣли своего врага, поддерживаемаго двумя такими же великанами и сопровождаемаго цѣлою толпою ихъ. Эти чудовища поспѣшно направлялись къ берегу. Синдбадь съ своими товарищами бросились на плоты и отплыли, но великаны замѣтили ихъ, схватили огромные камни, вошли по поясъ въ воду и начали бросать камнями такъ мѣтко, что изъ всѣхъ плотовъ уцѣлѣлъ только одинъ, на кото-

ромъ находился самъ Синдбадь съ двумя изъ своихъ товарищей; всѣ остальные были разбиты, и люди, бывшіе на нихъ, потонули.

Иногда представленіе объ одноглазомъ великанѣ сливается съ представленіемъ о какомъ-либо другомъ мифологическомъ существѣ, вслѣдствіе чего спутываются сказанія, относящіеся къ различнымъ цикламъ, и тѣмъ затемняется первоначальная ясность самыхъ сказаній. Именно такой случай можно наблюдать въ сказкѣ финновъ, у которыхъ представленіе объ одноглазомъ великанѣ людоедѣ слилось съ представленіемъ о горномъ духѣ, и вслѣдствіе этого рассматриваемое нами преданіе значительно отклонилось отъ общей основы. Одинъ бѣдный конюхъ, такъ передаетъ эта сказка, отправляется освобождать трехъ царевенъ, волшебствомъ заключенныхъ въ подземную пещеру. Этотъ довольно обычный сказочный мотивъ принадлежитъ совершенно отдѣльному циклу сказаній о странствованіяхъ героя по тремъ подземнымъ царствамъ. Одну изъ царевенъ конюхъ нашелъ заключенною въ желѣзной комнатѣ, гдѣ ее стерегъ горный духъ—старикъ Каммо, который такимъ образомъ здѣсь исполняетъ роль, обыкновенно возлагаемую въ сказкахъ на змѣевъ и драконовъ, рѣже на чародѣевъ. Каммо имѣлъ на головѣ большой рогъ и только одинъ глазъ на лбу, но онъ не могъ видѣть, потому что его глазъ былъ закрытъ выросшими рѣсницами. Такого же старика, владѣтеля подземной области, знаютъ и русскія преданія. Когда-этотъ старикъ хочетъ посмотрѣть на кого-либо, то ему поднимаютъ брови и рѣсницы желѣзными вилами, что напоминаетъ малорусскаго вія, вѣйки котораго опускаются до самой

земли ²⁾. Въ сказкахъ другихъ народовъ встрѣчаются великаны, обладающіе всеразрушающими взорами и потому принужденные носить на глазахъ повязку. Не будучи въ состояніи видѣть пришедшаго героя, Каммо, однако, чувствуетъ человѣческое мясо; черта — постоянно присущая бабѣ-ягѣ нашихъ сказокъ и также сближающая Каммо съ змѣями и драконами, похитителями красавицъ. Царевна успокоила встревоженного Каммо, а между тѣмъ конюхъ взялъ стоявшій у печки желѣзный шестъ, раскалилъ его и воткнулъ въ глазъ старика, который отъ боли закричалъ такъ громко, что эхо разнеслось по скаламъ. Тщетно Каммо отыскивалъ ощупью своего врага, который улучилъ удобную минуту и срубилъ ему голову. Такой исходъ вполне согласуется съ преданіями, рассказывающими о происходившей въ подземномъ царствѣ борьбѣ героя съ чудовищными змѣями изъ-за похищенной красавицы. Въ одной изъ русскихъ сказокъ чудовищный змѣй замѣненъ также старикомъ съ проросшими рѣсницами; старикъ этотъ является, однако, отцемъ трехъ змѣевъ, выступающихъ на борьбу со сказочнымъ героемъ. Ясно, что финскій Каммо — близкая родня этому старику. Можетъ быть, что его длинныя, закрывающія глазъ рѣсницы и послужили поводомъ наложить на сказаніе нѣкоторыя черты изъ преданія объ одноглазomъ великанѣ, теряющемъ свой глазъ.

Къ этимъ вариантамъ примыкаетъ еще одинъ, записанный въ горахъ Гарца. Онъ передаетъ тѣже основныя подробности и не прибавляетъ ничего новаго.

²⁾ Аоннасьевъ. Нар. Русск. Сказки. Изд. 1873 г. I, 346.

Герой расказа, странствуя съ шестью товарищами, заходитъ въ страну, гдѣ властвовалъ одноглазый великанъ, который захватилъ путешественниковъ и каждый день съѣдалъ по одному изъ нихъ. Оставались несъѣденными только двое: начальникъ съ однимъ изъ своихъ спутниковъ. Они спаслись отъ гибели такъ: ночью раскалили желѣзо, выкололи имъ глазъ великана и побѣжали. Великанъ погнался за ними, но въ слѣпотѣ не могъ ихъ найти. В. Гриммъ предположилъ, что на этомъ расказѣ, можетъ быть, сказывается вліяніе воспоминаній изъ Одиссеи; но какимъ путемъ могло идти такое вліяніе, онъ не объяснилъ ³⁾. Сущность приведенныхъ варіантовъ, какъ видимъ, состоитъ въ томъ, что сказочный герой встрѣчается съ одноглазымъ великаномъ - людоедомъ и выкалываетъ у него глазъ раскаленнымъ орудіемъ. Греческій варіантъ, къ которому теперь переходимъ, ведетъ расказъ дальше. Здѣсь сказочный герой, ослѣпивъ своего врага, не можетъ тотчасъ же убѣжать и подвергается снова опасности, избавленіе отъ которой совершается при обстоятельствахъ, составляющихъ предметъ дальнѣйшихъ подробностей расказа. Исслѣдователи не разъ обращали вниманіе на независимость расказа о Полифемѣ отъ общаго содержанія Одиссеи. По В. Гримму, расказъ этотъ, съ одной стороны, составляетъ самостоятельное, законченное цѣлое, съ другой—представляетъ рѣзкое измѣненіе въ характерѣ героя. Одиссей здѣсь является уже не съ тою хитроумною осторожностью, которою онъ постоянно отличается; его предусмотрительность и благо-

³⁾ W. Grimm. Die Sage von Polyphem. 18.

разуміе перешли къ его товарищамъ, которые, какъ бы принявъ на себя его роль, даютъ ему благоразумные совѣты. Одиссей не слѣдуетъ имъ, и самъ напрашивается на опасности, то желая, во что бы то ни стало, увидѣть циклопа и получить отъ него подарокъ, то дразня его уже слѣпаго. „Онъ хитеръ въ пещерѣ Полифема, говоритъ В. Гриммъ, но не въ смыслѣ героя; онъ легкомысленъ и безразсуденъ въ высшей степени“ ⁴⁾. Такое измѣненіе не есть явленіе случайное и вполне согласуется съ другими родственными сказаніями. Слѣды позднѣйшаго искусственнаго присоединенія эпизода о циклопахъ къ повѣствованію о странствованіяхъ славнаго героя В. Гриммъ усматриваетъ въ томъ, что Одиссей оставляетъ свои корабли у Козьяго острова и только на одномъ отправляется къ циклопамъ, а также и въ томъ, что онъ сводитъ съ своего корабля въ пещеру Полифема не всѣхъ спутниковъ, а только двѣнадцать отважнѣйшихъ изъ нихъ. Мы думаемъ, что въ настоящее время мнѣніе о самостоятельности разсматриваемаго рассказа и его первоначальной независимости отъ общаго содержанія цѣлой поэмы едвали нуждается въ доказательствахъ. Развѣ вся Одиссея не составила изъ отдѣльныхъ эпическихъ преданій, искусственно связанныхъ въ одно цѣлое? Развѣ она явилась сразу въ той стройности, въ томъ совершенствѣ, въ какомъ она дошла до насъ? Точно также и арабское повѣствованіе о странствованіяхъ моряка Синдбада составлено изъ отдѣльныхъ рассказовъ, сплоченныхъ другъ съ другомъ проведеніемъ по нимъ одной

⁴⁾ Ibid. 19.